

К ВОПРОСУ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ В ПОЛЬШЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918–1939 ГГ.)

Антисемитизм является одной из самых распространенных и живучих форм ксенофобии в течение последних двух тысячелетий. Вместе с тем следует помнить, что это явление весьма многолико, а причины его чрезвычайно различны. Антисемитизм, господствовавший в эпоху Средневековья, далеко не тождествен этому явлению в Новое и Новейшее время. Особое развитие эта форма ксенофобии получила в XIX–XX веках, в эпоху индустриального общества, когда ненависть к евреям перестала быть уделом темных народных низов и церкви, а нашла свое воплощение в виде государственной идеологии и политики. Это означало переход антисемитизма на новый уровень развития, более глобальный и более опасный, чем прежде. В данном сообщении речь пойдет о антисемитизме в польском государстве в период между двумя мировыми войнами, т.е. в 1918–1939 гг.

1918 год стал датой возникновения польского национального государства, возрожденного после более чем столетнего периода исторического небытия. 1939 год увидел потрясающее крушение этого государства, четвертый раздел Польши и начало Второй мировой войны. Мы не претендуем на то, чтобы изложить здесь историю антисемитизма в Польше в межвоенный период. Данный вопрос изучен достаточно неплохо. Нашей задачей является ответить на следующие вопросы: 1) чем был вызван всплеск антисемитизма в Польше на заре обретения независимости; 2) проследить динамику развития антисемитских настроений в польском обществе в 1920–1930-е годы; 3) сопоставить антисемитизм 1918–1920 и конца 1930-х годов, выявить между ними сходства и различия; 4) сделать заключение, являлся ли польский антисемитизм межвоенного периода государственным или стихийным и насколько он был обусловлен теми историческими условиями, в которых находилось тогда польское государство.

Истоки всплеска антисемитизма в независимой Польше следует искать еще в XIX веке, когда независимого польского государства не существовало, а польские земли были разделены между тремя могущественными державами – Австрийской империей (Австро-Венгрией), королевством Пруссия (Германская империя) и Российской империей. Эти государства проводили очень разную политику на польских землях, которая варьировалась от прямой национальной дискриминации и русификации (польские земли в составе царской России) до весьма либерального режима, благоприятного для национальных меньшинств (польские территории Австро-Венгрии). Австрийская и российская части бывшей Польши обладали особенно многочисленным еврейским населением. Предпосылки расцвета польского антисемитизма нужно искать во второй половине XIX века, когда на территориях российской Польши развивалось мощное национально-освободительное движение и возникали идеологии, призывающие польский народ возродить свое государство. Возникновению конфронтации евреев и поляков способствовали действия российских властей. Так, в 1861 году автономные власти тогдашнего Царства Польского издали указ о равноправии поляков и евреев, намереваясь сделать еврейское население опорой власти России в этом регионе. В 1888 году Александр III издал указ о черте еврейской оседлости, ограниченной 15 западными губерниями Российской империи. Это привело к массовому наплыву в польские земли евреев с российских территорий, так называемых «литваков», которые были сильно русифицированы и рассматривались поляками как опора власти русских в их землях¹. Царизм таким путем не только избавлялся от нежелательного еврейского элемента, но и проводил политику «разделяй и властвуй», противопоставляя друг другу поляков и евреев². К прежним традиционным антисемитским предрассудкам в конце XIX-начале XX века у значительной части польского общества добавляется представление о евреях как о врагах польской независимости и пособниках оккупантов.

Эти взгляды в полной мере разделяла национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским, одна из влиятельных политических сил российской Польши. Характеризуя отношение национал-демократов (эндеков) к евреям, историки отмечают, что их антисемитизм носил эклектичный характер, т.е. сочетал в себе признаки всех разновидностей этой ксенофобии, а именно: антисемитизм религиозный (ненависть как к иноверцам), антисемитизм экономический (неприязнь к евреям как к конкурентам поляков при трудоустройстве и т.д.), антисемитизм, кон-

кретно не на чем не основанный, отвергающий и преследующий еврея как чужака; антисемитизм политический (облеченный в форму политических лозунгов, призывов к возможному электорату)³. Вместе с тем национальная концепция эндеков уже несет в себе черты антисемитизма как возможной политики государства. Это и тезис Р. Дмовского, что принадлежать к польскому народу может только тот, в ком течет польская кровь, поэтому евреи не могут принадлежать к польскому народу, и организованный в 1912 г. национально-демократической партией бойкот еврейских магазинов в Польше в отместку за поддержку еврейским населением социалистических кандидатов на выборах в Государственную Думу. Необходимо также отметить, что отношение к еврейскому вопросу у эндеков было тесно связано с их концепцией жесткого мононационального польского государства, с последующей полонизацией всех национальных меньшинств. Наконец, не последнюю роль в активизации национализма в Польше сыграло противостояние польского и зарождающегося еврейского националистических движений.

Возрожденное в 1918 г. польское государство не имело квалифицированного управленческого и военного аппарата, его границы вплоть до 1921 г. не были четко определены, уровень жизни большинства населения был весьма низок. Пожалуй, единственное, что было определено четко – концепция национального государства, ставшая доминирующей у польской правящей верхушки. Она гласила, что новая Польша – государство поляков и для поляков. Прочие национальности априори ставились в неполноправное положение. Евреи не являлись здесь исключением. В 1919 г. в пределах молодого государства происходит несколько еврейских погромов, получивших мировую огласку. Польским представителям на Парижской мирной конференции пришлось объяснять эти эксцессы мировой общественности, особенно негодовали представители влиятельного Американского еврейского конгресса, требующие использовать все возможные меры воздействия на Польшу, чтобы заставить польские власти пресечь антисемитские бесчинства. Вместе с тем, как отмечал посол США в Варшаве Х. Гибсон, вмешательство американской еврейской общественности не облегчало, а ухудшало положение польского еврейства, поскольку способствовало убеждению поляков, что евреи всего мира враждебны польскому государству⁴. Кроме того, Гибсон указывал в своих донесениях в Вашингтон, что в эскалации польско-еврейского противостояния виноваты не только поляки, но и еврейские организации Польши, которые стали требовать для себя не просто рав-

ных, а особых прав, таких как освобождение от военной службы, освобождение от уплаты налогов, создание особых еврейских судов, государственную поддержку еврейских школ. Несмотря на это, американская еврейская общественность весьма негативно характеризовала новообразованное польское государство. Польские представители Р. Дмовский и И. Падеревский на Парижской мирной конференции вынуждены были гарантировать польским евреям все права граждан демократического государства, но при этом отказались даже обсуждать вопрос о признании евреев национальным меньшинством и наделения их проистекающими отсюда правами. Подводя итог событиям 1918-1920 г., можно сказать, что, конечно, волна национализма и антисемитизма, накрывшая Польшу сразу после обретения ею независимости была стихийной, а еврейские погромы того периода были инициативой толпы, а не властей. Вместе с тем не следует забывать, что первое польское правительство было сформировано национал-демократами и с железной решимостью отстаивало принцип национального государства. Стихийный национализм, охвативший страну, в общем, был естественным проявлением после более чем столетнего периода угнетения, и еврейские погромы в данном случае были изобретением народных низов. Однако на примере этих событий польские власти увидели, как можно использовать национализм и антисемитизм в интересах государства, что с успехом будет проделано позже.

Согласно данным первой общепольской переписи 1921 г., в стране насчитывалось 2 855 318 исповедующих иудаизм, или 10,5 % всего населения. Через десять лет, по данным второй переписи 1931 г. число исповедующих иудаизм возросло до 3 313 933 человек, хотя процент еврейского населения сократился до 9,8⁵. Таким образом, Польша располагала самой многочисленной еврейской общиной Европы (не считая СССР) и одной из самых больших общин в мире. Хотя антисемитские эксцессы после 1920 г. прекратились, взаимопонимание между поляками и евреями не наступило. Евреи не забыли погромы 1919 г. и справедливо расценивали общий политический климат нового государства как неблагоприятный для себя. Польское руководство, в котором до 1926 г. доминировали национал-демократы, преследовало цель всячески ослаблять позиции польского еврейства. Например, евреи практически не допускались на государственную службу, к преподаванию в школах и в вузах, а государство, несмотря на принятые в 1919 г. в Париже обязательства, никак не финансировало еврейские школы⁶. В Польше безраздельно торжествовала сформулированная эндеками концепция мононационального

польского государства, где нет места национальным меньшинствам. Все «чужаки» должны были быть либо колонизированы, либо удалены из страны. Несмотря на то, что евреи, в отличие от украинского, белорусского, немецкого и литовского меньшинств, не располагали мощной поддержкой от соседних государств в борьбе за свои права, их общее количество (третья по численности национальность после поляков и украинцев), влияние на экономику и отчасти культуру страны, упорное сохранение своей самобытности делали их весьма заметными и нежелательными для польского националистического режима. Именно в 1920-е годы происходит постепенная трансформация польского антисемитизма, превращающегося из стихийно-народного, основанного на невежестве и бытовых предрассудках в инструмент государственной политики. Достаточно лишь просмотреть польскую прессу 1920-х годов, особенно печать национал-демократов. Спектр обвинений, предъявляемых евреям, очень широк: им вменяется в вину засорение польского образования и культуры, экономическая спекуляция, мошенничество, враждебность к польскому государству и народу, сотрудничество с внешнеполитическими противниками Польши, в первую очередь с СССР и Германией⁷.

Новый и заключительный этап польского антисемитизма начался в 1935 г. Мировой экономической кризис нанес сильнейший удар по польской экономике. В середине 1930-х годов продолжалось падение уровня жизни населения, снижение экономических показателей, рост безработицы. В этих условиях общество было очень падко на экстремистские идеи. Правящий «санационный» режим, несмотря на то, что не был связан с национал-демократами, начал яростную антисемитскую кампанию. В отличие от событий предыдущих лет, это была уже целенаправленная и осмысленная государственная политика. Она преследовала цель, прежде всего, подорвать экономические позиции польского еврейства, поскольку весь средний класс Польши состоял из еврейских торговцев и ремесленников. Экономическими мотивами можно объяснить инициированный правительством в 1936 г. запрет на ритуальный убой скота евреями. В том же году премьер-министр Польши Ф. Славой-Складковский сформулировал цели правительства: «Экономическая борьба против евреев всеми способами, но без применения силы»⁸. В ряде провинциальных городов произошли еврейские погромы. В антисемитской кампании участвовали не только власти и различные политические партии, но и такая влиятельная в Польше сила как католическая церковь. Примечательно,

что из крупных политических партий только Польская социалистическая партия открыто противостояла антисемитизму⁹.

Идея вытеснения евреев из польской экономики очень быстро переросла в идею вытеснения их из страны. В 1936 г. как возможный пункт высылки польских евреев упоминался Мадагаскар. Польское правительство во второй половине 1930-х годов активно контактировало с лидерами сионистских организаций в вопросе организации массовой эмиграции евреев из Польши. Для этих целей в МИДе Польши был учрежден специальный отдел¹⁰. Оказывающий большое влияние на министра иностранных дел Польши Ю. Бека OZN (Лагерь национального единства) устами своего лидера З. Дрешера выразил цель политики тогдашнего польского руководства в еврейском вопросе: «Польская политика в отношении евреев должна преследовать цель как можно большего уменьшения процента еврейского населения в Польше и ассимиляцию тех, кто останется среди нас»¹¹. OZN позаботился, чтобы даже для ассимилированных евреев был закрыт доступ в его ряды. Можно сделать вывод, что антисемитизм во второй половине 1930-х годов в Польше был государственной политикой, направленной, прежде всего, на вытеснение евреев из экономики страны и последующее всемерное сокращение общей численности евреев в Польше. Это был ответ польского националистического государства на общий кризис, поразивший страну в 1930-е годы. Вне всяких сомнений, деятели «санации» полагали, что их политика в еврейском вопросе служит интересам страны, поддерживая польского товаропроизводителя. Любопытно также отметить, что в данном вопросе антисемитизм не стоял на месте, и очень быстро экономическая борьба перешла в плоскость глобального решения еврейской проблемы в Польше.

Подведем итоги. Мы увидели, что антисемитские настроения начали получать широкую поддержку в Польше и конституироваться в политические течения во второй половине XIX века, что было связано с политикой российских властей в этом регионе, усилением борьбы поляков за независимость, появлением сильных национальных движений среди поляков и евреев. Антисемитские эксцессы, которыми было ознаменовано возникновение польского государства, были, безусловно, стихийными, продолжавшими традиции «старого», бытового антисемитизма, но одновременно являясь показателем распространения в обществе этих идей и восприимчивости к ним широких слоев населения, а также, отчасти, и характера возникшего молодого государства. В 1920-е годы наблюдается эволюция антисемитизма, становящегося частью националисти-

ческой идеологии, формируемой и навязываемой польским государством в целях его объединения и укрепления. 1930-е годы увидели воплощение этой идеологии в государственной политике, осуществляемой в интересах страны и титульной нации. Таким образом, антисемитизм в Польше прошел путь в 1918-1939 гг. от идеологии отдельных политических партий или спонтанных выступлений толпы до государственной идеологии и политики. В этом плане Польша близка к Германии и большинству тогдашних стран Восточной Европы. Однако необходимо отметить, что в силу ряда обстоятельств польский антисемитизм не сделал следующий шаг в своем развитии, т.е. не создал антиеврейское законодательство и доминирующую нацистскую партию, которая могла бы продолжать решение еврейского вопроса в соответствующем направлении. Это является принципиальным отличием Польши от Германии или таких стран Восточной Европы, как, скажем, Венгрия или Румыния. Антисемитизм в Польше причудливо соединил в себе наследие традиционного и приобретения индустриального национализма, с доминированием (хотя и не полным) последнего.

¹*Jastrzebski M.* Kwestia zydowska w publicystyce «Mysli Narodowej». Torun, 2005. S. 37.

²*Ibidem*

³*Ibid.* S. 38.

⁴Hugh Gibson and a controversy over Polish-Jewish relations after World War I. Krakow, 1991. S. 51.

⁵*Mendelsohn E.* The Jews of east central Europe between the world wars. Bloomington, 1983. S. 23.

⁶*Ibid.* S. 42

⁷*Jastrzebski M.* Op.cit. S. 68-145.

⁸*Mendelsohn E.* Op.cit. S.71.

⁹*Ibid.* S.72.

¹⁰*Weinbaum L.* A marriage of convenience. New York, 1993. S. 7-8.

¹¹*Ibid.* S. 5-6.